

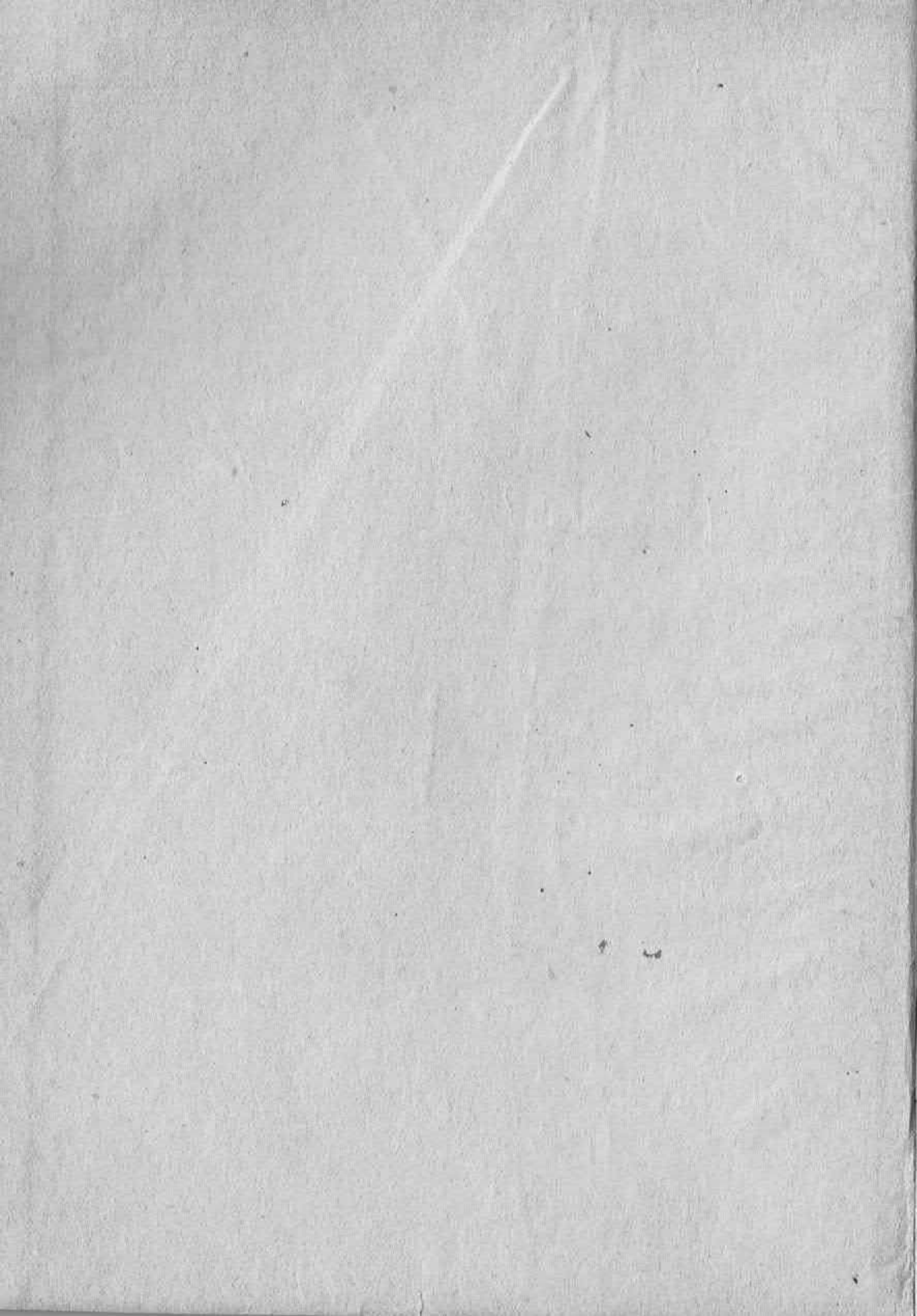
ПРОГУЛКИ
ПО ОКРЕСТНОСТЯМ ЛЕНИНГРАДА

В. Я. КУРБАТОВ

СТРЕЛЬБА
И
ОРДИЕНБЛУМ

Издание А. Т. С. П. С.

ПРОГУЛКИ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ ЛЕНИНГРАДА

В. Я. КУРБАТОВ

СТРЕЛЬНА И ОРАНИЕНБАУМ

ИЗДАНИЕ

Ленинградского Губернского Совета

Профессиональных Союзов

1925

Ленинградский Гублит № 14488. Тираж 2000.

Тип. Р.-И. О. Ленинградского Губпрофсовета. Красная 24а, № 374.

Петергофская дорога.

С самого основания «Санкт-Петербурха» Петергофская дорога была любимым местом для загородного жилья. В самом деле, она проходит по краю холмов вдоль моря, при чем почти все время можно любоваться ширью залива. И эти холмы ближе, чем где-либо, находятся от границы города. В настоящее же время до них легко добраться с одной стороны по Балтийской ж. д., а с другой—на трамвае от Нарвских ворот до Стрельны.

Поселения на Петергофской дороге появились с основания Петергофа и Кронштадта. Для удобства сообщения были устроены Подзорный дворец на Подзорном острове при входе в речку Екатерингофку, Екатерингоф на реке Екатерингофке против места первой морской победы, одержанной Петром над шведами, Елизаветгоф и Анненгоф—дальше на той же речке, при выходе на взморье. Однако, измененность и топкость берегов до Стрельны не позволили устроить пристаней, зато дальше Стрельна, Петергоф и Ораниенбаум явились готовыми остановками до Кронштадта.

Сообщение по суше было затруднительным из-за топкости до холмов, начинающихся у Красного Кабачка, но зато дальше легко было устроить прекрасное шоссе. На нем скоро появились дачи вельмож, и к 1770-м годам оно от Таракановки до Стрельны почти вплотную было обстроено великолепными дворцами и дачами. Еще лет двадцать тому назад вдоль по дороге был ряд старых красивых домов, правда очень сильно обветшавших.

Упадок начался с проведением железных дорог, позволившим богатым людям уезжать на лето на юг России и за границу.

В конце 19 в. начинается новый прилив населения, так как создается Морской канал, и рядом с ним начинает развиваться порт.

Конечно, под'ем заключался не в сооружении новых дворцов, но в создании таких больших заводов, как Путиловский, Треугольник, Тентелевский, Бумагопрядильная мануфактура, Костеобжигательный завод. Все эти заводы быстро росли, но было очевидно, что они представляют лишь начало того большого фабричного города, который должен возникнуть в будущем рядом с портом.

К сожалению, решительно никакой заботы о жилье рабочих в этой местности проявлено не было. Поселки возникали стихийно, улицы прокладывались без соображения с их действительной необходимостью, о благоустройстве почти никто не думал. Вот почему в настоящее время начата грандиозная работа по перепланировке всей местности.

Понятно, что все прежние владельцы покинули дачи на шоссе, испугавшись как близости дымных, шумных и беспокойных заводов, так и неблагоустройства пыльного шоссе. Великолепные дачи запускались, разваливались, сады уничтожались, и на месте их появлялись лачуги.

Шоссе значительно изменило свой вид, примерно, до Красного Кабачка. Зато дальше сады по откосам холмов сохранились, исчезновение же дворцов незаметно для гуляющего. Вот почему прогулка на трамвае по этой дороге принадлежит к числу самых приятных, особенно, если попасть на места, находящиеся на открытой площадке вагона.

Самую прогулку можно сделать различно.

1) На трамвае можно доехать до Екатерингофа, осмотреть его, выйти по Сутугиной улице к Нарвским воротам и снова на трамвае до Княжева, осмотреть разрушающийся дворец Ульянки и через Лиговский парк выйти на станцию Лигово. Оттуда можно или вернуться в Ленинград, или проехать в Стрельну и вернуться из последней на трамвае.

2) Можно доехать до Сергиева, осмотреть там растреллиевские постройки, пройти пешком до Стрельны и, осмотрев дворец и парки, вернуться по железной дороге или на трамвае.

3) Можно от Стрельны через Михайловку и Знаменку дойти до Александрии и Петергофа.

Те, кто располагает сравнительно ограниченным временем, напр., экскурсанты из провинции, посту-

пят наиболее разумно, если поездку в Стрельну соединят с поездкой в Ораниенбаум.

В этом случае необходимо ознакомиться с ж. д. расписанием и рассчитать так, чтобы на остановку в Ораниенбауме осталось не менее трех часов времени и чтобы попасть туда в часы открытия Китайского дворца и Катальной горки. Остаток дня можно использовать на осмотр Стрельны и на поездку от Стрельны до Нарвских ворот.

Именно такая поездка и описана в этой книжке с указанием возможных вариантов.

Совершенно особенной прогулкой является сочетание поездки в Красное с возвращением через Лигово по Петергофской дороге, или гораздо более интересна, но и более утомительна экскурсия—Красное—Ропша—Знаменка. Из Знаменки можно вернуться через Петергоф или через Михайловку и Стрельну (последнее только для очень хороших ходоков).

Прогулка по морю.

Кроме указанных путей, можно использовать еще пароходы, поддерживающие сообщение с Петергофом и Ораниенбаумом. Их пристань находится на Васильевском Острове у б. Николаевского моста, ныне Моста лейтенанта Шмидта.

Если пароход, выйдя в залив, идет по середине его, то видно, как низок северный берег, где едва заметны рощи Лахты и Сестрорецка. При проезде Мор-

ским каналом видны сооружения порта, элеватор, разгружаемые суда, и заметно, что на южном берегу постепенно повышаются холмы, тянущиеся к Стрельне. Они почти сплошь покрыты садами.

В бинокль можно различить длинное желтоватое здание больницы умалишенных, белый с широким куполом дворец Ульянки, значительно дальше—белое здание с небольшим куполом Новознаменской колонии лишенных свободы и, наконец, серебристые купола растреллиевского собора Сергиевой пустыни.

На мгновение открывается вид на широкую среднюю перспективу Стрельны с большим желтым дворцом в глубине. Немного дальше виден желтый дом с башней в бывшем стрельнинском имении Львова, после некоторого перерыва видна крупная башня Михайловки и, не доезжая Петергофа, на самом берегу моря—дворец Николая II.

От Екатерингофа до Нарвских ворот.

При Петре I Екатерингофский парк состоял из небольшого участка, где теперь находятся развалины дворца.

Самый дворец был перестроен М. Г. Земцовым в 1720—30-х годах в передовом для тогдашнего времени стиле—с чередованием окон и пилястров ¹⁾.

Передовыми были простота и скромность фасада и внутренней отделки ²⁾. До дворца проходит канал

¹⁾ Плоские столбы.

²⁾ Дворец сгорел несколько лет тому назад.

от реки Екатерингофки, а по обе стороны его были квадратные цветники с круглыми прудиками посредине и островками на каждом из прудов. Все это пространство было охвачено трельяжной ¹⁾ галлереей с павильончиками на углах.

В 1760-х годах В. Баженов по желанию Екатерины II составил план расширения парка почти до Нарвского (Петергофского) шоссе. Однако, как и из очень многих грандиозных затей того времени, из этого проекта ничего не вышло. Все-таки парк разросся на все острова, охватываемые речкой Таракановкой.

В начале 19 в. петербургский генерал-губернатор Милорадович поручил Монферрану, строителю Исаакиевского собора, устроить ряд павильонов, памятников, каруселей. А между тем петербуржцы уже привыкли к Екатерингофу как к месту загородных кутежей.

Особенно много народу привлекало знаменитое гулянье первого мая, увековеченное очень длинною панорамой художника Гампельна, из которой видно, что чуть не весь город собирался в этот день в Екатерингоф. Начиная с 1870-х годов, Екатерингоф все более и более приходил в упадок. Уже в 1900 г. парк был совершенно запущен, в 1905 г. из дворца вывезли всю мебель.

Теперь же приведение в порядок этого парка является настоятельно необходимым, так как он распо-

¹⁾ Трельяж—сквозная построечка из решеток.

ложен между быстро разрастающимся портом и фабриками.

В первой половине 18 в. за Екатерингофским парком лежали еще два маленьких поместья—Елизаветгоф и Анненгоф. Остатком одного из них является, вернее являлся, Ушаковский сад, лежащий по правую руку улицы Стачек. Из парка нужно пройти по краевой Молвинской улице на Сутугину улицу, которая ведет к Нарвским воротам. Сутугина улица получила название от Сутугиной усадьбы—деревянного дома с портиком из четырех колонн и небольшим куполом. Дом сильно запущен, но в нем еще кое-где на потолках имеются росписи (конца 18 века).

Тот, кто едет на трамвае, попадет к Нарвским воротам от Калинкина моста по Петергофскому проспекту, большинство домов на котором относится к середине 19 в. и выстроено очень скромно. Зато церковь Екатерины, построенная Тоном в начале 19 в., явилась образцом тех неуклюжих пятиглавых построек, которыми испорчен вид Детского, Петергофа, Москвы (храм Спасителя) и т. д.

По преданию, Николай I потребовал, чтобы Тон в течение одной ночи составил проект по образцу московских соборов, хотя сам Тон считал стиль этих соборов варварским.

Нарвские ворота, к которым мы вышли, с одной стороны являлись тем въездом в город, через который въезжало большинство иностранцев, а с другой—памятником в честь войск, возвратившихся из похода в Париж. Их построил первоначально Гваренги в 1814 г.

из дерева, при чем из пяти составленных архитектором проектов был выбран самый пышный, с выступающими колоннами и вместе с тем очень стройный.

В середине 19 в. ворота были перестроены Стасовым из камня и чугуна, а через Таракановку был перекинут каменный мост с великолепными перилами. На старых гравюрах видно, что как Нарвские ворота, так и все шоссе были окружены садами.

Сады тянулись и по речкам Ольховке, Тентелевке и т. д., но от них лишь кое-где остались каменные плиты и скамьи. Самая же застройка ближайших мест маленькими домиками совершенно беспорядочна и убога. К тому же местность затопляется при наводнениях и полна дыму от заводов. Теперь в ней ведутся по отдельным участкам постройки и предполагается полная перепланировка.

Старых дач почти не осталось, а многие домики более позднего времени в значительной части разрушены во время топливного голода. Только с левой стороны дороги сохранился небольшой домик с четырьмя колоннами, да с правой стороны еще стоит усадебный дом, состоящий из центрального каменного флигеля и двух боковых деревянных, соединенных с ним полукруглыми галлереями. Такие дома в 1780-х годах строились очень часто под влиянием изучения архитектурных теорий Палладио, который жил в 16 в. в венецианской области и мечтал о возрождении античной архитектуры.

От Нарвских ворот до Стрельны.

Весь путь за Нарвскими воротами до деревни Автово¹⁾ проходит между заводами, из которых наиболее замечательны б. Тентелевский химический и Путиловский металлургический. Оба эти завода являются крупнейшими в своем роде и, конечно, притянули к себе большое количество рабочих. Последние до революции ютились в очень плохих домишках, и лишь в последнее время (1925 г.) начато грандиозное строительство с перепланировкой всей местности от Нарвских ворот и Балтийского вокзала до завода «Красный Путиловец».

Чем дальше за Путиловский завод, тем вид местности делается все более сельским. Трамвай проходит мимо деревни Автово, которая была построена в начале 19 в., повидимому, по проекту Стасова веером около полукруглого пруда. Впрочем, домики ее в значительной степени теперь перестроены. Дорога постепенно подымается и доходит до Красного Кабачка, знаменитого в 18 в. как место загородных кутежей. Это была первая станция по почтовой дороге и место перекреста пути в город через Четыре руки в Пулково и Детское.

После Красного Кабачка дорога идет вдоль прибрежной гряды холмов, которая постепенно поды-

¹⁾ По преданию, название произошло от того, что после наводнения 1824 г. один из стариков-старожилов, отвечая на вопросы Николая I, говорил «автово» вместо «этого».

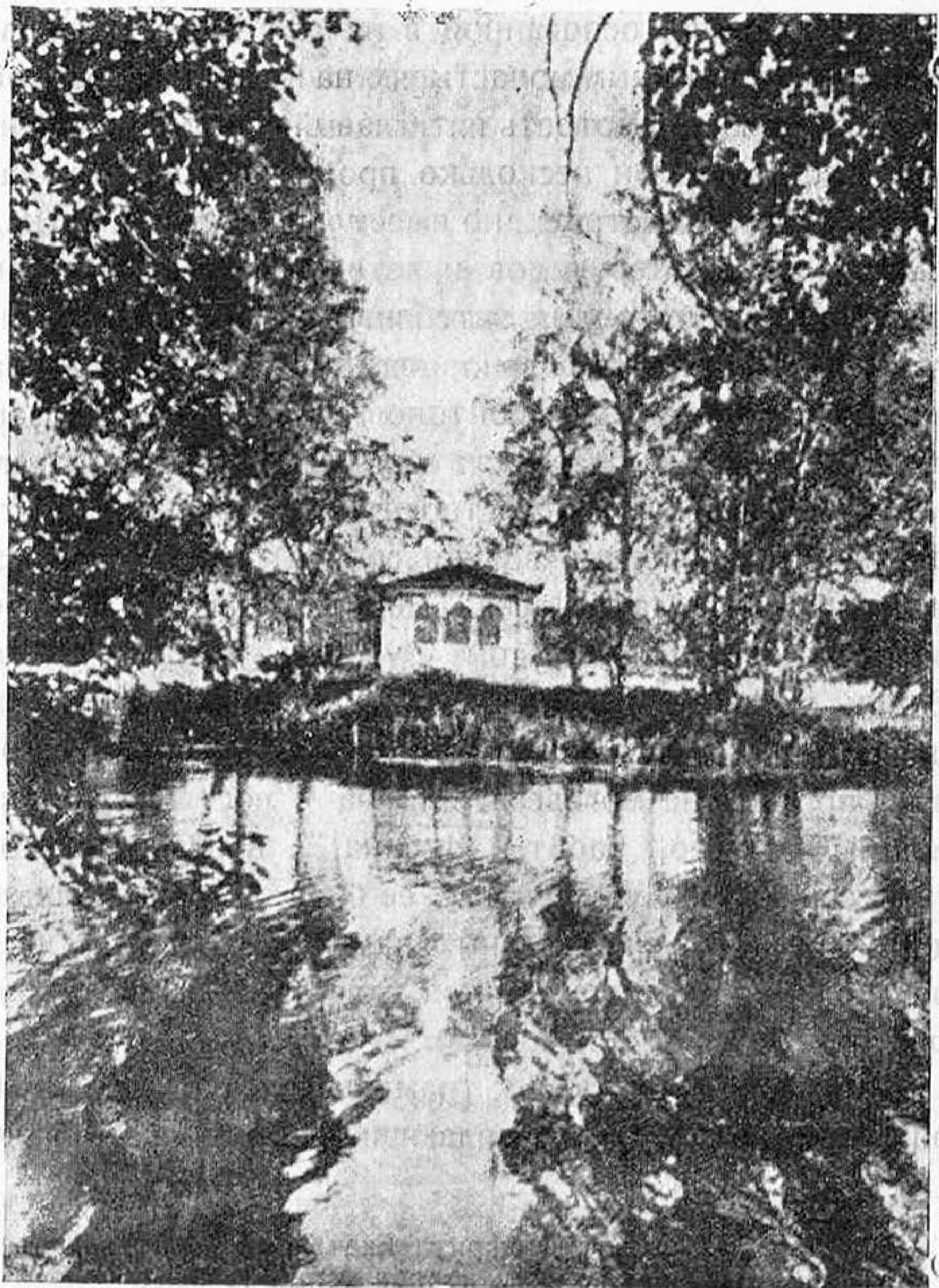
мается. На скате этой гряды видны остатки тех садов, о которых с восторгом упоминали путешественники 18 века. Но для едущего на трамвае удастся обратить внимание только 1) на обширное здание больницы умалишенных, выстроенное Стасовым в 1840 годах, 2) на белый дворец Ульяновки (бывший Шереметьевых с колоннами и восьмигранным куполом ¹⁾). Его, вероятно, строил Старов ²⁾ в подражание английским помещикам. Дом очень сильно пострадал, но отделка кое-каких комнат там сохранилась, и он заслуживает осмотра, равно как и очень запущенные парки Ульянки и соседнего Александрина.

Станция Привал соответствует громадному имению Лигово, принадлежавшему знаменитому канцлеру Екатерины II—графу Кушелеву-Безбородко. Его парк и пруды были устроены самим Гваренги, но уже в 1900 г. они были в чрезвычайном упадке, хотя их и любопытно осмотреть; там сохранились лишь остатки «грота» и беседочка на островке, да два дома 18 и начала 19 века, весьма сильно пострадавших.

Скоро за Привалом дорога начинает повышаться, и трамвай постепенно поднимается к Сергиевой пустыни. Сады исчезают, так как они распаханы еще лет 15—20 тому назад. Сохранился лишь сад колонии Короленко и большое поместье Новознаменской колонии для лишенных свободы. В последней—много остатков 18 в. (комната Екатерины, Китайская и т. д.).

¹⁾ После остановки Княжево.

²⁾ Строитель дворца Урицкого (б. Таврического).

Наконец, перед Сергиевым — колоссальный парк Стобеуса. С правой стороны все время видно море. В Сергиевой пустыни, основанной в начале 18 в. в подражание подмосковным монастырям на главной дворцовой дороге, можно осмотреть пятиглавый собор, выстроенный Растрелли. Он несколько проще большинства растреллиевских построек, но имеет чудесную лепку над окнами в виде херувимов и ветвей деревьев. Внутри прекрасно исполненные затейливые иконостасы с ангелами, которые довольно легкомысленно сидят на изгибах разорванных фронтонов. Довольно неожидан голубой оттенок, благодаря синим окнам. За собором келии игумена, тоже построенные по проекту Растрелли. На кладбище вблизи собора ряд интересных надгробий начала 19 века. Недалеко низкое желтое здание — Инвалидный дом Зубовых, начала 19 в. В нем любопытно круглое зало — бывшая церковь, а под церковью усыпальница с могилами семьи Зубовых, при чем на могиле В. Зубова ¹⁾ поставлен бронзовый бюст его, работы Шубина ²⁾, а рядом на могиле его жены, Суворочки ³⁾, ее бюст. За Инвалидным домом несколько интересных памятников, в том числе колонна с вооружением наверху, вероятно, по рисунку Федора Толстого ⁴⁾.

Выйдя из монастыря к трамваю, следует обратить внимание на луга, расстилающиеся от монастыря до

¹⁾ Брата последнего фаворита Екатерины, Платона.

²⁾ Один из великих скульпторов конца 18 века.

³⁾ Дочери Суворова.

⁴⁾ Лучший русский скульптор середины 19 в.

железной дороги. На них раскинуты отдельные рощи, что лугам придает вид парка ¹⁾).

От Сергиевой пустыни недалеко до Стрельны, и можно пройти пешком. Трамвай же проходит сначала по полю, а затем мимо дворца почти до конца города.

Пешеходы могут не следовать по дороге, но перейти на аллею, которая ведет непосредственно ко дворцу, в котором помещается трудовая школа. Желающие осмотреть дворец должны обратиться в канцелярию школы, которая помещается в левом крыле дворца (вход со двора).

¹⁾ В последнее время они сильно пострадали.

Стрельна.

Стрельна была выбрана для большого загородного дворца Петром в 1716 г., в виду того, что соседнюю речку Стрелку легко было использовать для устройства фонтанов. Петр заказал грандиозный план дворца и парка римскому архитектору Чиприани. Но в следующем году этот проект был заменен более скромным, но все-таки грандиозным проектом Леблонна¹⁾. В том же году Петр установил, что болота, лежащие выше Петергофа, дадут гораздо большее количество воды и гораздо большее падение, т. е. в Петергофе фонтаны будут бить гораздо выше.

Вот почему он сократил постройки в Стрельне. Дворец, гораздо более скромный, выстроил Микетти, второстепенный итальянский зодчий. Петр подарил его своей дочери Наталье, но дворец скоро сгорел и в виде развалин оставался до 1803 г., когда восстановление его начал А. Воронихин, строитель Казанского собора и Горного Института. В 1850 годах отделка дворца была отчасти изменена для Константина, сына Николая I, Штакеншнейдером.

¹⁾ Прекрасный архитектор начала 18 в., пробывший в самом Петербурге три года и наметивший планировку Васильевского острова.

Основной мотив проектов Леблона и Микетти был определен прежде всего желанием Петра связать все сооружения с морем. Для этого нижний этаж прорезан грандиозною тройною аркою, сквозь которую видно море и которая вела на великолепные цветники террасы.

Для осмотра дворца нужно получить разрешение от администрации школы. Обычно входят в третий этаж в помещение бывшей Библиотеки Константина Николаевича, где еще сохранились хорошие шкапы по рисункам Штакеншнейдера. Однако, гораздо интереснее росписи потолка, сделанные по рисункам Воронихина, хотя они и испорчены очень грубой реставрацией в середине 19 в. Почти таков же и следующий зал, но в нем хороший камин с легким узором и прекрасный лепной фриз под потолком. Над дверьми помещены лепные панно, копии с которых украшают многие петербургские дома начала 19 века.

Через маленькую Проходную попадаем в Большой зал, расположенный как раз над тройною аркою и по оси сада. Из окон открывается дивный вид на средний канал, островок в конце его, на залив и на липовые рощи сада.

Самый зал сохраняет пропорции Леблона, но потолок его несколько понижен. Великолепные пилястры искусственного мрамора разделяют стены. Двери и средние окна обрамлены красивыми колоннами зеленого мрамора и арочками, которые покрыты гирляндами. Над окнами и дверьми прекрасные рельефы, очень оживленные по общему впечатлению,

изящные и лишенные мертвенности академического искусства 19 в. Потолок расписан, при чем характерны изображения бронзовых изваяний. Убранство дополнено пятью великолепными люстрами; по узору бронзы наиболее интересна средняя, а боковые имеют узор в виде спирали.

В общем эта зала выполнена в очень строгих классических формах, но в ней есть уют, изящество и легкость, характеризующие эпохи высшего расцвета искусства (Афины 4 века до нашей эры, время Рафаэля—начало 16 в., время Габриеля—середина 18 в. и школа Камерона и Воронихина). В данном случае замечательно еще и применение разнообразных и густых по тону окрасок, на что решались очень немногие из архитекторов этой эпохи.

Именно эти густые тона, стройность и обширность зала великолепно сливаются с впечатлением от простора видов из окон в сад.

Маленькая Гостиная за залом имеет отличный фриз, но наиболее интересна в ней печка, сделанная по рисунку Воронихина ¹⁾.

Следующая большая Зала отделана Русска, вероятно, по указаниям Воронихина, она называется Синей или Голубой, так как рельефы ее отчасти покрашены синей краской. Она, очевидно, назначалась для больших балов.

Из этой залы возвращаемся через Большую и через зеркальную дверь Проходной попадаем в ком-

¹⁾ Такие же печи в Кофейном домике Летнего сада, выстроенном Росси.

нату, выходящую на море. В ней потолок расписан очень красивыми серо-зелеными орнаментами, которые, к сожалению, в значительной степени попорчены сыростью.

В следующей комнате потолок расписан в подражание кессонам¹⁾ и рельефам, изображающим сцены из римской жизни. Очень хороши легкие рельефы над дверьми, составленные из римских арматур.

Обычно нельзя пройти в следующую комнату, и в нее приходится попадать на обратном пути через Библиотеку. В ней интересны росписи потолка с изображением в медальонах скачущих всадников.

Наконец, в ряду комнат, выходящих на море, интересна роспись последней (угловой) с пейзажами. Вообще все эти росписи несомненно сделаны по рисункам Воронихина и от современных ему отличаются гораздо большею свободою и разнообразием приемов. Следует помнить, что они жестоко попорчены при реставрации.

Почти при выходе из этого этажа попадаем в комнату, потолок которой украшен цветочными гирляндами. Этот прием впервые был использован в росписи севрского фарфора, но особенно широко развит в России в первой четверти 19 в. Повидимому, Воронихин был одним из его главных творцов²⁾.

1) Т. е. углублениям, получающимся между перекрещивающимися балками.

2) Росписи в Павловске, Гатчине и позже в Елагинском дворце у Росси, когда тот был под влиянием Воронихина.

Следующая комната убрана фризом из пальметок¹⁾, а на потолке изображены хороводы амурчиков. Они очень испорчены реставрациями, но неоспоримо доказывают, что Воронихин признавал красоту живописи не только 16 в., как все его современники, но и 15 в., красоту произведений которого оценили лишь в конце 19 века.

Во втором этаже можно осмотреть комнату с кожаной мебелью и шкафами из красного дерева, украшенными медными реечками, которые называются стилем Жакоб²⁾, хотя в России делались до половины 19 века.

В следующей угловой комнате стены обтянуты пестрыми обоями, характерными для середины 19 в.³⁾. В Спальне Александры Иосифовны стены обтянуты кретоном того же типа, что и обои предыдущей комнаты. Но особенно ценна работа рамок из темного ореха, сделанная по рисункам Штакеншнейдера. Это—одно из немногих удачных подражаний стилю

1) Пальметкой называется узор, напоминающий конец распускающегося пальмового листа.

2) Жакоб-старший работал во второй половине 18 века в Париже и делал великолепную золоченую мебель (напр. диваны в Лионской комнате Детскосельского Екатерининского дворца, кровать Марии Федоровны в Павловске и в Гатчине). Его преемник Жакоб Демальтер работал во времена Революции и Наполеона и делал мебель в подражание античной. Украшение медными реечками применялось знаменитым Рентгеном, работавшим на Рейне, и очень широко русскими мебельщиками в первой половине 19 в.

3) Они сохранились здесь и в Павловске в Константиновском дворце.

«рокайль»¹⁾, с легкими и красивыми узорами. Кровать и шкапики, стоявшие в этой комнате, сохранились во дворце и являются едва ли не лучшими образцами этого типа декоративного убранства, называемого стилем Тура по имени придворного столяра, отлично исполнявшего подобные изделия.

Следующая комната, будуар Александры Иосифовны, является образцом безвкусицы по сочетанию грубой розовой окраски с белой и прежде дополнялся чрезвычайно безвкусною мебелью Штакеншнейдера, в сплошь изогнутых формах. Зато в глубине того же ряда комнат стоит отличный деревянный стол из Голубого зала с великолепными ножками, верхние шары которых образуют букеты цветов.

Осмотрев дворец, обойдем его с западной стороны, где почти около самого дворца находится небольшой бассейн, окруженный «перголой» — сквозным навесом на каменных столбиках, который прежде был покрыт вьющимися растениями. На краю бассейна стоит небольшая купальня будто бы в «римском» стиле. На берегу водоема и в воде стояли мраморные фигуры купальщиц.

В свое время (1860—1900 г.) этот водоем со статуями, клумбами великолепных цветов, с «перголой», обвитой плющем на фоне елей и берез, представлял хотя и слащавую, но красивую картину. Те-

¹⁾ Стиль первой половины 18 в., применявший смелые сочетания изогнутых форм похожих на разрез раковины («рокайль»). Лучшие его образцы — узоры Растрелли в Детско-сельском Екатерининском дворце и в Эрмитаже.

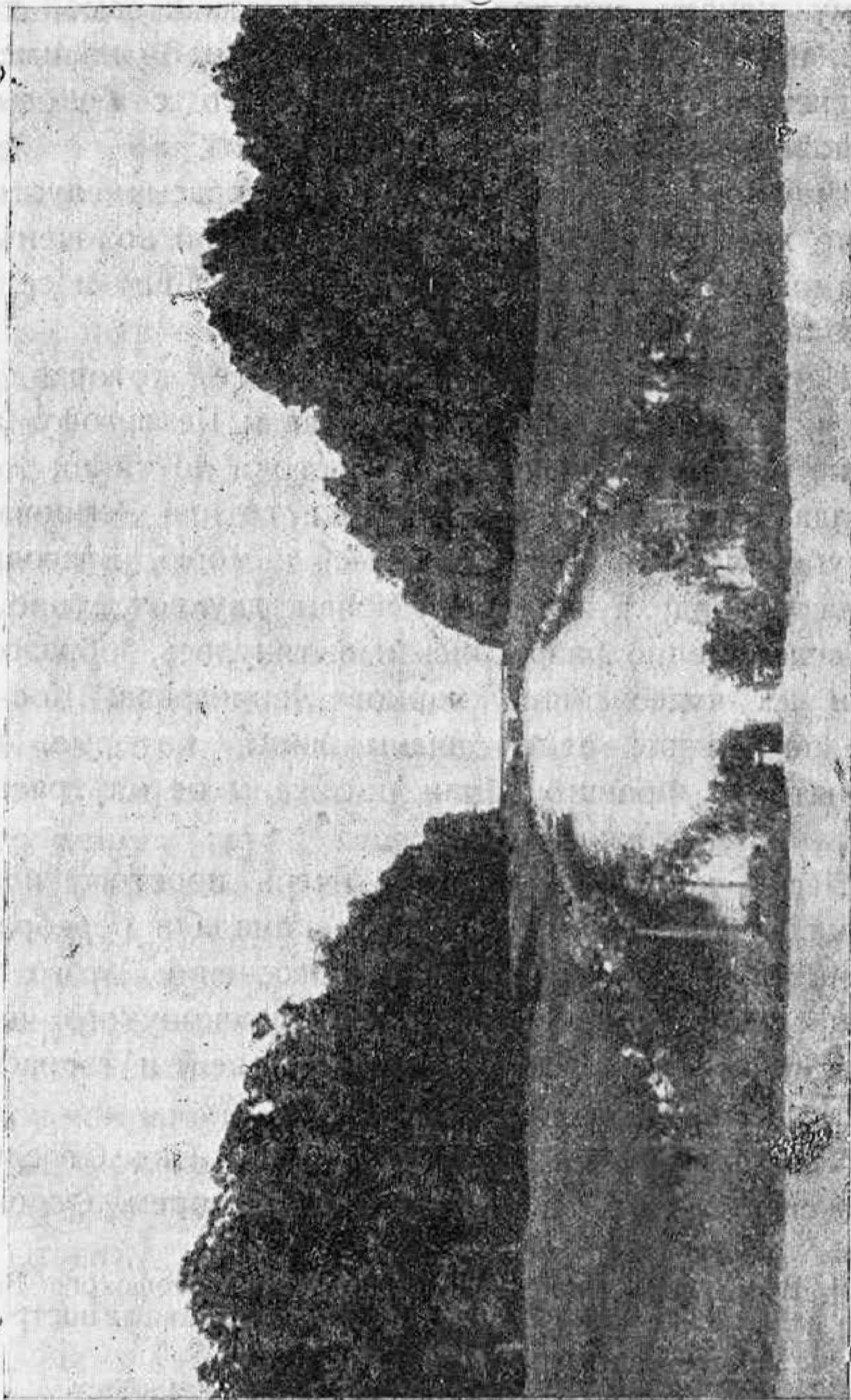
перь нет плюща, но сильно пострадали даже елки, посаженные на краю откоса, а туи, растущие на нижней террасе, обычно обломаны так, что остаются голые стволы.

По обе стороны дворца с террасы спускаются великолепные мраморные лестницы, устроенные А. Воронихиным. Западная украшена золочеными оленями, которые часто в 19 в. встречаются в английских парках¹⁾.

Проидем на террасу и полюбуемся видом дворца. В нем чисто итальянским приемом является вход в аркады, трижды изогнутый и обставленный колоннами, и колоннады под арками. Самый тип фасада настолько прост и мощен, что кажется возможным предполагать участие лучшего мастера, чем Микетти,— Земцова.

Зеленые клетки-балконы, пристроенные в середине 19 в., чрезвычайно портят фасад, как и полное запустение террасы. Но вид с нее на ширь прямоугольных партеров по обе стороны канала, на липовые рощи и на канал совершенно бесподобен. Отсюда легко заметить, что весь сад разбит на квадраты. На двух средних, прилегающих к дворцовой террасе, прежде были фонтаны и великолепные цветники, теперь же остались довольно затейливые вазы, обсаженные елями. Все остальные квадраты заняты липовыми рощами. Ширь партера хорошо согласована с ширию осевой просеки и осевого канала. По

¹⁾ Также в Павловске—Олений мост.

этому каналу можно было под'ехать к самой террасе, но прямого сообщения с морем он не имеет, поперечные же каналы соединяют его с боковыми продольными, доходящими до моря.

Пройдем до восточного конца террасы и спустимся по лестнице Воронихина, украшенной золочеными львами. Снизу полюбуемся на эту лестницу и ее сочетание с дворцом и террасой.

Направимся на восток по дороге, которая тянется внизу террасы от Сергиева к Петергофу, а в парке от красивых ворот с востока до таких же с запада. Эти ворота работы Микетти или Земцова¹⁾. Углубимся в рощи и направимся к морю. Благодаря сырости воздуха и сухости почвы, двухсотлетние липы великолепно разрослись и вытянулись, образовав один из чудеснейших парков Ленинграда. Кое-где еще по середине аллей видны липы, которые, как принято во Франции, были посажены не на траве, а на самой дорожке.

Легко, конечно, благодаря очень простому плану парка дойти до конца среднего канала и перебраться на круглый островок при пересечении этого канала с поперечным. С мостика, перекинутого через средний канал, хорошо виден и дворец, и террасы с гротами под ними.

Теперь понятен замысел Петра. Сад Стрельны должен был быть сочетанием сада с морем. Основую

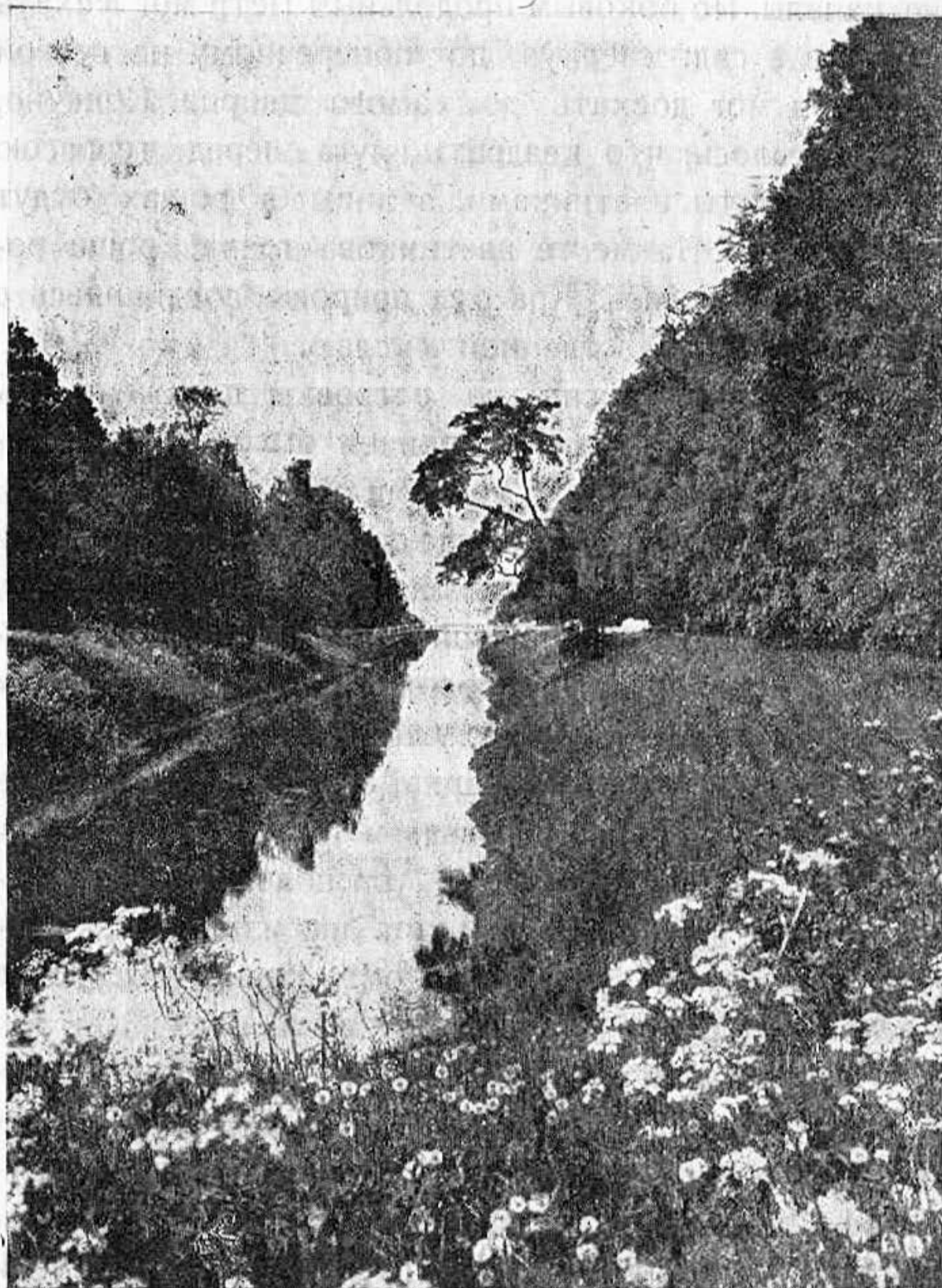
¹⁾ В них есть сходство с оградой Петергофского Верхнего сада, а начиная с 1720 по 1742 г. все главные постройки вел М. Г. Земцов.

его плана являются продольные и поперечные широкие каналы. По боковым продольным Петр мог в'ехать на лодке в сад; свернув по поперечному на осевой каная, он мог доехать до самого дворца. Конечно, предполагалось, что квадраты луга перед террасою будут покрыты цветниками, а липы в рощах будут подстрижены. На месте цветников—трава, рощи роскошно разрослись. Красота природы соединилась с гениальной художественной мыслью.

По преданию, сосны на островке посажены Петром, однако, на плане Чиприани было предположено островок устроить с гротами и беседками.

Осмотрев взморье, откуда видны и Кронштадт, и Ленинград, вернемся через западные рощи к дороге, проходящей внизу дворцовой террасы, при чем пройдем и мимо западного продольного канала. За ним и за воротами, о которых уже сказано выше, начинается пейзажная часть парка, состоящая из красиво разбросанных групп деревьев и извилистых прудов. В части, ближайшей к морю, расположены оранжереи (строил Русска), а за ними на извилистой речке—Мельница в ложно-русском стиле (выстроена Штакеншнейдером в середине 19 века).

От оранжерей по любой из дорог повернем налево, при чем пройдем мимо старинной деревянной церкви, выстроенной при Петре. Аллеи приводят на Петергофское (или Ленинградское) шоссе к мосту через Стрелку, которая здесь превращается в прямой канал и падает каскадом к морю.

Перейдя гранитный мост 18 в. и сделав еще несколько шагов, можем пройти за ложноготическую, т. е. с зубцами и стрельчатыми окнами, ограду парка Орлова, который прежде, может быть, был частью дворцового парка. Парк сильно запущен, как и сравнительно скромный дворец. Перед дворцом под великолепными дубами возвышаются «кони» работы Клодта¹⁾ и рядом лежат прекрасные, но разломанные чугунные скамейки в ложно-готическом стиле.

В парке имеется Руина-Бельведер, но из нее уже не видно моря из-за разросшихся деревьев. В глубине парка остатки двух очень интересных лабиринтов, т. е. аллей, расположенных столь сложным рисунком, что незнающий плана может в них очень долго путаться. В одном из этих лабиринтов находился небольшой домик, и прежде в тот момент, как туда входил гуляющий, поднималось чучело медведя, что, конечно, наводило панику и заставляло убежавшего еще больше путаться в аллеях. Теперь даже ели, из которых состоял лабиринт, спилены, а на месте домика—яма с остатками фундамента. Другой лабиринт—за прудом на небольшом холмике.

По саду раскинуты пьедесталы для статуй и стоит готический фонтан. От конца парка Орлова до вокзала пять минут ходу.

Если же снова вернуться на Петергофскую дорогу и направиться на запад, то с правой стороны уви-

¹⁾ Такие же, как на Аничковом мосту, на Петергофском Бабигофе, в Берлине и Неаполе перед дворцами.

дим дворец Львова с башней, выстроенный в середине 19 в. Как дворец, так и парк сильно запущены.

Еще дальше за деревней лежит парк Михайловки—имения, выстроенного для Михаила Николаевича в середине 19 в. Туда можно притти от террасы Стрельнинского дворца и по нижней дороге, проложенной почти по берегу моря.

Парк Михайловки очень обширен и в верхней части красив, благодаря прудам и многовековым дубам.

Самый дворец построен очень сложно, и пока его не обойдешь кругом, трудно отдать себе отчет в его размерах. Архитектор Боссэ расположил части постройки так, чтобы придать сходство с итальянскими сельскими домиками, небольшими по размерам. Кроме того, вокруг дворца он расположил длинные ряды пергол, которые летом были обвиты диким виноградом и опять-таки должны были напоминать Италию. Внутри дворца интересны большое белое Бальное зало с колоссальными зеркалами на длинных стенах, что дает бесконечное количество изображений толпы, находящейся между зеркалами, и Спальня Александры Иосифовны с характерною отделкою середины 19 века, с мебелью работы Тура. С высокой башни открывается красивый вид на парки Михайловки и на море.

Очень красиво расположение оранжерей, моста через пруд и дворца.

Из Михайловки можно или по Петергофской (Верхней) дороге или по Нижней дороге дойти до Знамен-

ки, где тоже громадный парк с несколькими монументами, но дворец Знаменки, построенный в подражание растреллиевским, менее интересен, чем Михайловский. Несколько дальше за ним стоит любопытная церковка 18 в., и за ней начинается прямая, как стрела, дорога на Ропшу ¹⁾).

Почти в полуверсте за Знаменкой—в'езд в Александрию, т. е. в Петергоф.

¹⁾ До Ропши 14 верст, там дворец с коллекцией немецких картин 19 века, красивыми прудами и источниками. Дворец, где был задушен Петр III, был уничтожен еще в 18 веке.

Ораниенбаум.

Большой Дворец.

Добраться до Ораниенбаума (или в просторечии Ранбова) можно или по железной дороге из Ленинграда и Петергофа, или пешком из Петергофа через Собственную дачу, Сергиевку и Мордвиновку¹⁾.

С вокзала проходим через город на улицу, ведущую из Ленинграда, и немного дальше церкви переходим на другую сторону и входим в парк или же, идя по улице от вокзала, нужно повернуть направо, пересечь рыночную площадь и против церкви войти в парк. Дорога в парке постепенно подымается ко дворцу, но тотчас после мостика через быстро текущий проток свернем направо по аллее, которая приведет нас к партеру перед Большим дворцом.

Дворец был в свое время выстроен Меньшиковым, при чем строил, по крайней мере, его среднюю часть немец Шедель, посредственный архитектор, попавший в Петербург очень рано. Позже, может быть в 1720 годах, другим архитектором, вероятно, Земцовым, были выстроены очень красивые боковые павильоны и устроены террасы в три яруса. На этих террасах прежде ставились померанцевые деревья в

¹⁾ См. прогулки по окрестностям Ленинграда. Петергоф.

кадках, и от них пошло название поместья¹⁾). В 19 в. вместо померанцев там ставились лавровые деревья.

Прежде от середины дворца спускалась широкая лестница, но она в середине 19 века была заменена сходящимися и расходящимися симметрично лестницами.

С террас и из дворца открывается красивый вид на партер и на море с каналом, доходящим почти до входа в сад. По преданию, Петр приехал к Меншикову осмотреть новый дворец, но, не найдя канала, чтобы добраться на лодке до самого дворца, повернул обратно. Меншикову пришлось спешно вырыть канал.

Дворец сильно пострадал, и осмотр его дает немного. Партер перед дворцом был совершенно запущен в 19 в. Он должен был состоять из громадных узорных цветников, украшенных фонтанами. После вырубки деревьев и кустов вместо цветников устроены газоны. На последних—ряд хороших итальянских садовых статуй 18 века (особенно Амур и Флора).

Подойдем к решетке, открывающей красивый вид на море, а вместе с тем от нее открывается общий вид на дворец до его боковых павильонов. Общее впечатление чрезвычайно характерно для имения, когда-то устроенного вельможею с чрезвычайно роскошью и постепенно переходившего ко все менее и менее состоятельным владельцам.

¹⁾ «Ораниенбаум» — по-немецки значит «померанцевое дерево».

У фасада нет цельности, да и в архитектуре, и в частностях есть нечто провинциальное. Видно, что последние владельцы не могли справиться с тем размахом цветников, который был намечен в начале 18 века.

Пройдем теперь или на запад за ворота сторону, в противоположную той, с которой мы вошли, и за воротами поднимемся по откосу, или же вернемся назад и вдоль пруда поднимемся во двор дворца, имеющего очень скромный фасад с южной стороны.

По обе стороны двора тянутся низкие флигеля служб, имеющие аркады со стороны двора, и чудесные ворота, сочиненные, вероятно, Земцовым. Пройдя сквозь вторые ворота, окажемся на аллее, идущей по откосу.

На этом откосе стоит относительно новая лютеранская церковь, а вдали видно белое строение Католической горки.

С левой стороны от аллеи проходит прямоугольный канал, остаток довольно сложной водяной застройки. Около него липовые аллеи были расположены довольно сложным рисунком. Они тянутся в глубину парка до Китайского дворца.

Мы повернем в эти липовые рощи и направимся в почти перпендикулярном направлении к аллее, идущей по откосу. Которую из параллельных, идущих к югу дорог мы ни выберем, она в конце концов приведет нас к невысокому белому домику, стоящему в глубине широкого зеленого луга. Это и есть Китайский дворец.

Китайский дворец.

Название Китайский дворец произвольно, так как его называли и Малым, и Голландским домиком. По существу это—очаровательная игрушка, созданная с величайшим мастерством и изяществом для владельцев одного из грандиознейших государств. В 18 в. вообще существовало стремление уходить от придворных празднеств и этикета в уютную частную жизнь. Этикет и чопорность придворной жизни в данном случае заменены необычайною роскошью, которая в то время казалась доступной только совершенно исключительным личностям. Зато от художников требовалось изумительное мастерство, и крайне редко им удавалось доводить до такого совершенства свое творчество, как видим это в Китайском дворце. Такими почти ювелирными изделиями являются только этот дворец и парижский дворец Субиз, нынешний Национальный Архив Франции. Но в то время как в Париже убранство, при всей смелости, легкости и неожиданности, в высшей степени логично и по-своему строго-совершенно,—здесь художники все время работают на границе слащавости, и только их безграничное мастерство позволяет справляться со столь трудными задачами и придавать убранствам необычайную прелесть.

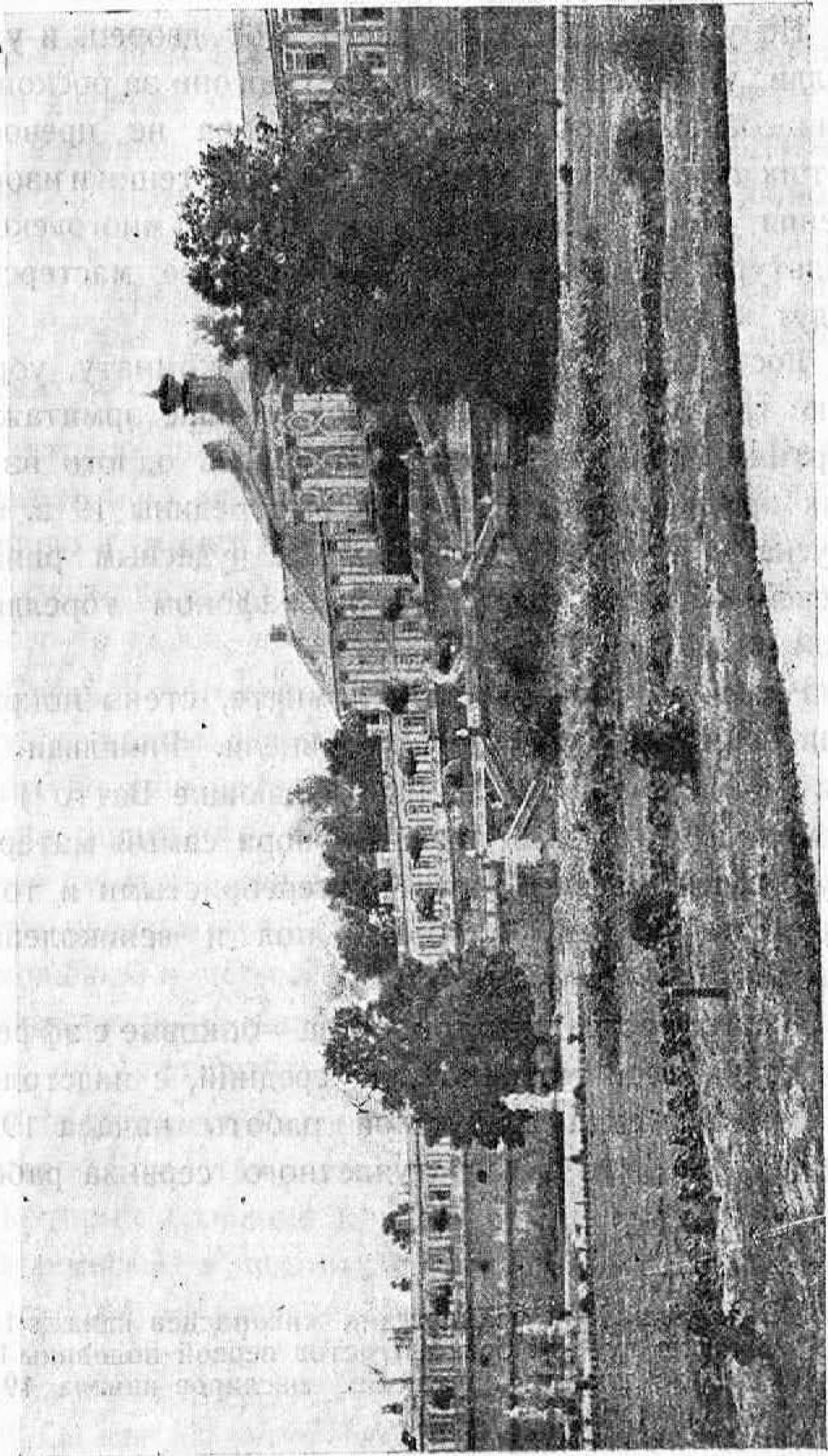
Дворец в плане имеет вид буквы П, к перекладине которой прикреплены два продолжения. В них

помещаются два главных зала: Китайское (западное) и Зал Муз (восточное). В середине перекладины на север слегка выступает Большое зало. По обе его стороны расположены лучшие комнаты—Стеклярусная комната и Сиреневая Гостиная. В отрогах на юг размещены с востока—покои Павла, а с запада покои Екатерины.

Вход во дворец находится с запада, и мы сразу попадаем в Зал Муз. Убранство стен его состоит из легкой, почти симметричной лепки и изображений Муз, исполненных прекрасным живописцем Стефано Торелли в легких дымчатых тонах. Стены, легко закругляясь, переходят в потолок, убранный так же и украшенный плафоном, т. е. картиною, опять-таки исполненной в почти сладких тонах.

Пол из деревянной мозаики великолепен и едва ли может быть превзойден каким-либо ковром. Со стороны входа, у дверей, стоят два отличных бюста итальянской работы 18 века, садового характера.

Конечно, такое здание могло подходить только для молодых, прекрасных веселящихся людей, для танцев очень небольшого, но изысканного общества. Все это убранство—настоящая сказка и вполне соответствует 18 в., когда принцессы ничтожного немецкого княжества в силу смелого переворота вместо ссылки в монастырь оказывались во главе целой империи и когда «полудержавный» вельможа мог оказаться в Сибири, когда богачи могли со своих необозримых имений собирать груды золота и тратить их на роскошь.

Но у Ринальди, строившего этот дворец, и у Торелли, украшавшего его, уже нет погони за роскошью. Они сознают, что вся роскошь двора не превосходит их таланта, что, даже рискнув на оттенки и изображения почти слащавые, они в силу многовековой культуры, от которой восприняли свое мастерство, дадут чудесные произведения.

Достаточно перейти в соседнюю комнату, убранную грубыми подделками под лучшие эрмитажные картины, чтобы видеть, как живопись одного из самых прославленных художников середины 19 в. безвкусна, слащава и пошла рядом с чудесным ринальдиевским полом, потолком и плафоном тореллиевской школы.

Рядом, в Стеклярусной комнате, стены покрыты вышивками из стекляруса и синели. Ринальди дал для них легкие рисунки, напоминающие Ватто¹⁾ или Пильмана²⁾. Помимо красоты узора самый материал изумителен. Стены кажутся серебристыми и точно отражают чудесный наборный пол и великолепный потолок.

У стен поставлены три стола—боковые с эффектной стеклянной мозаикой, а средний, с надстольем из синего стекла парижской работы начала 19 в., служил для знаменитого туалетного сервиза работы Бьеннэ³⁾.

1) Величайший из французских живописцев начала 18 в.

2) Один из лучших орнаментистов первой половины 18 в.

3) Один из лучших парижских ювелиров начала 19 в., работавший для Наполеона.

В соседнем Большом зале, которое тремя громадными дверьми открывается прямо на луг, впечатление испорчено тяжелым канделябром¹⁾ из бронзы и фарфора, подражающим японским вазам. Но вообще это зало скромнее убрано, чем остальные, и канделябр, а также пестрая обивка мебели совсем убивают убранство Ринальди, построенное на легких формах и совершенно белой окраске.

Зато совершенно изумителен плафон работы величайшего из венецианских живописцев конца 18 в. Тьеполо и, может быть, величайшего из всех плафонных живописцев. На картине изображен апофеоз какого-то героя, возлежащего на ложе.

Следует обратить внимание на мастерство и смелость, с какою фигуры рассчитаны на рассматривание снизу, но еще удивительнее противоположение голубовато-сиреневого неба с вершиной итальянской пинии (зонтикообразной сосны) густым насыщенным тонам палатки вождя и его самого—темно-красных, коричневых и черных оттенков. Таких смелых противопоставлений тонов, кажется, никто, кроме Тьеполо, не умел делать.

Еще дальше в Сиреновой Гостиной очаровательна легкая лепка стен из цветочных гирлянд и картины, из которых особенно хороши тореллиевская «Диана и Эндимион» в нежных холодных тонах, затем его же работы «Марс» и «Венера» над дверьми. Таким

¹⁾ Он взят из восточного Павильона Большого дворца.

образом, по обе стороны зала находятся лучшие комнаты дворца.

За Сиреновой Гостиной находится Китайский Кабинет Екатерины, но собственно «Китай» там слабо выражен. Все те же дивные узоры на стенах и потолке и чудесный плафон. В комнате висит портрет Екатерины II и парадный портрет Петра III.

Следует обратить здесь внимание на камин из искусственного мрамора. Он замечателен тем, что формы его изогнуты, как бы капризны, а между тем они естественнее и рациональнее, чем у обычных, сделанных в подражание наличникам дверей. Такие каминны увидим и во всех следующих комнатах.

Курьезный комодик на изогнутых ножках характерен как подделка под китайские изделия. Но к последним имеют отношение только легкие росписи; формы же ножек и шкапика—европейские.

Одна из дверей Кабинета ведет в Китайский зал, от которого, вероятно, и весь домик получил свое название. Подлинно китайского в нем, пожалуй, ничего нет, так как стены отделаны досками из разноцветного дерева, слоновой кости и перламутра, но доски эти сделаны в Ораниенбауме. Правда, в них живописцы Бароцци, работавшие вместе с Ринальди, сумели найти удачные сочетания из отдельных пятен, ассимметрично брошенных на большие плоскости, но для Китая невозможен был бы основной желтоватый фон дерева. Над стенами начинается карниз из арочек, заимствованных из средневекового искусства. Над ним расположена лучшая часть комнаты—

потолок, подписанный по-русски Бароцци. Особенно хороши скаты, на которых изображены сидящие китайцы на каких-то фантастических возвышениях. В самую середину потолка врезана картина «Китайская свадьба», представляющая курьезную смесь римских одежд с китайскими. Но совершенно неподобно небо, прорезанное силуэтом елки, и насыщенные краски фигур, хотя, повидимому, плафон слегка пострадал от реставрации.

В зале повешены фонарики—подделки под китайские, поставлен ряд европейских подражаний китайскому черному лаку, но есть большая китайская коробка из драгоценного красного лака. Замечателен большой бильярд английской работы начала 18 в., выписанный, вероятно, еще Меншиковым в начале 18 в. Он характерен как редкий образчик превосходной резьбы по дереву, которой славилась в 18 в. Англия.

Из Китайского зала через Кабинет Екатерины II проходим в ее Спальню. Пол ее еще лучше, чем в предыдущих комнатах. Потолок имеет узоры Ринальди, а в центре характерную картину Бароцци, изображающую китайцев. Собственно, это не плафон, так как он не рассчитан на рассматривание снизу, но как картина, работа Бароцци—прекрасна. Все это увлечение китайщиной произошло от того, что в течение 16—17 веков европейское искусство было подавлено представлением, что величайшее искусство—античное и что можно только подражать ему.

Великие творцы Версаля—Ард, Мансар, Берен, Куазвокс, Ленотр и работавшие рядом с ними в Париже Ватто, Одран и другие доказали, что можно работать независимо от античного искусства и что по существу дела последнее характеризуется непрерывным упадком от великих мастеров V—IV в. до нашей эры до попыток нового стиля в III в. нашей эры. Как только это было установлено, то оказалось, что китайское искусство, умевшее еще в 17 в. справляться с теми декоративными задачами, которые встали перед европейским, не варварство, а проникнуто высоким мастерством.

Когда пытались работать не хуже его, то искали того совершенства, с которым китайцы умели на угол большой картины бросить ветвь цветов и нарисовать легкий павильончик на островке.

Обои Спальни представляют или китайские оригиналы, или очень ловкое подражание китайским ¹⁾ материям.

Доски Китайского зала—более смелая попытка работать, как китайцы. Вкуса и декоративного мастерства в них не меньше, чем у китайцев, но частности немного грубоваты.

В следующей, Камер-юнгферской комнате отделка пола, стен и потолка в общем такая, как в остальных залах, но заметно, что нигде нет повторения. В стене вделана коллекция портретов каких-то при-

¹⁾ См. комнаты с китайскими обоями в Детскосельском дворце.

дворных красавиц, нарисованных пастелью (сухими карандашами). Этот способ, дающий светлые прозрачные краски, характерен для 18 в. Вся коллекция чрезвычайно характерна для тогдашней придворной жизни, когда балы сменялись маскарадами, а главные интересы сосредоточивались на ухаживании за дамами и на любовных интригах. В данном случае картинки использованы как элемент украшения стен.

Совершенно так же помещены в следующем Кабинете Ротари несколько работ этого любимого изобразителя хорошеньких женщин. Здесь их гораздо меньше, чем в Портретном зале Петергофа, да и выбраны они гораздо удачнее. Но все-таки они—только частность в очаровательном убранстве этой комнаты, где пол, потолок и стены красивее, чем в предыдущих.

Это и понятно, так как последняя комнатка западного флигеля, куда входим из Кабинета Ротари, убрана с наибольшей изысканностью, хотя и очень мала. Это—Золотой кабинет, названный так, потому что росписи стен его сделаны на золотом фоне. Они, правда, слегка испорчены реставрацией, но легко заметить, как смело и красиво сочинены узоры, напр., гнущиеся под ударами бури деревья. Пол и потолок этой комнатки далеко превосходят по узорам предыдущие. Однако, наиболее изумителен маленький камин из искусственного мрамора и гипса. Его формы совершенно необычны и так свободны, как достигали их только художники в эпоху величайшего под'ема искусства.

Возвращаясь из этого Кабинета через Комнату Ротари, Камер-юнгферскую, Спальню Екатерины, Китайский Кабинет, Сиреневую Гостиную и Большой Зал, обратим внимание на превосходные двери наборного дерева, на общее сочетание работ Ринальди, Бароцци и Торелли.

К сожалению, в Столовой, расположенной на юг от Большого зала, большие плоскости стен покрыты новыми и очень неудачными росписями. Остались от Ринальди лишь лепка потолка и стен и, может быть, общая разбивка узких панно стен. В соседней Буфетной над дверьми помещены две хороших картины школы Торелли. Оттуда попадаем в комнату, расписанную в половине 19 в. необычайно слащавыми и в то же время грубыми картинами. Они чрезвычайно неприятно дисгармонируют с полом и потолком.

Частью испорчена и отделка следующей Спальни Павла, но потолок и пол в ней отличные. Опять-таки замечаем, что при переходе к интимным комнатам отделка становится все изысканнее и совершеннее. Действительно, в последней комнате — Уборной — стены покрыты темным деревом, легкими узорами и поразительной росписью гирляндами цветов работы Бароцци. Художник, как бы играя, набрасывает на стены гирлянды сирени, роз, левкоев и т. п. Эти цветы поставлены в решетчатых вазах, куда нельзя налить воды, на легких подставках стоят мифологические богини в легких одеяниях. Художник как будто хотел подчеркнуть свое легкомыслие и то, что работа для него — простая игра, но результаты совершенно бес-

подобны,—будем ли рассматривать общее впечатление от сочетания светлых гирлянд с темным деревом, или самую роспись, или детали мелко написанных цветов.

В маленьком Китайском Кабинетике, куда попадаем через Спальню (дверь в глубине комнаты), художника заменяет архитектор. Росписи здесь имеют второстепенное значение. Стены убраны каменными китайскими досками, но большая часть просто состоит из мрамора с великолепным черным узором. Здесь прямо приходится изумляться смелости и изобретательности Ринальди. Еще поразительнее камин, задуманный в совершенно неожиданных сочетаниях цветного искусственного мрамора и в совершенно странных формах, как будто его делал не архитектор, а скульптор.

Эти последние из комнат дворца, как и весь дворец, лучше всего характеризуют жизнь тех баловней судьбы, которые нежданно-негаданно для себя попадали на престол, а все назначение последнего видели в возможности непрерывных увеселений и празднеств. Но рядом с ними были художники, сознававшие во время работы, что им приходится отвечать своими произведениями не перед не совсем нормальным Петром III, а перед всей той колоссальной средой работников искусства, которая по всей Европе строила и перестраивала дворцы, церкви и дома, пользуясь тем недолгим периодом, когда все сознавали, что любой общий рецепт или шаблон для искусства вреден. Именно в таких увеселительных дворцах, где расходы были

неограниченны, а фантазии не ставилось никаких пределов, художник мог испробовать любое сочетание форм, но знал, что его произведения будут обсуждать собраты по искусству, выдавшие все прекрасное, что только было создано с 12 по 18 века.

Осмотрев дворец, обойдем его с южной стороны, где в середине 19 в. было переустроено убранство статуями и беседками на берегу пруда. К самому же дворцу прилегают два маленьких садика, огражденных изящною легкою решеткою. Они наполнены копиями с великих произведений скульптуры. От дворца пройдем или прямо на север, или будем держаться немного на запад. Тогда скоро выйдем на длинную поляну, вдоль которой тянутся ряды пихт, а вдали виднеется легкое белое здание Катальной горки, которая, с одной стороны, служила началом для американских гор, скаты которых доходили до конца поляны, а с другой стороны,—для ужинов после охот в Зверинце.

Катальная горка.

Вход в Катальную горку находится между южным и восточным выступом во втором этаже, при чем, подымаясь, обратим внимание на красивые переходы лестниц и расстановку колонн на террасах (разрешение на осмотр Горки получается в Китайском дворце).

Вестибюль, куда мы входим, имеет очень красивые и неожиданные изгибы стен, убран легкими леп-

ными узорами с нежною раскраскою, пол из искусственного мрамора сильно пострадал, но и на нем видны легкие, свободно выющиеся узоры Ринальди.

Подыдемся в верхний этаж по красиво изогнутой лестнице и войдем в большое круглое зало. Оно несколько пострадало от сырости, но еще и сейчас отлично видны узоры потолка, красивая роспись дверей нежными гирляндами и узоры стен, исполненные братьями Бароцци. Над дверьми вставлены картины, изображающие Диану, работы Стефано Торелли ¹⁾. Вполне возможно, что охоты, происходившие в соседнем лесу или Диком парке, оканчивались обедами или ужинами в этом павильоне. К залу прилегают два кабинета.

В западном выступе стены убраны лепкою, которая имеет тот же характер, что и узоры Большого зала, раскраска нежная, а все выполнено с мастерством, которое в настоящее время кажется недостижимым, но, к сожалению, все это сильно пострадало от сырости.

Действительно, начиная с половины 16 века, лучшие художники стремились к тому, чтобы отойти от форм античного искусства и найти новые и совершенно свободные. Они достигли этого в середине 18 века, отчасти благодаря работе над сооружением увеселительных дворцов, так как заказчики не ставили им требований подчиняться установившимся традициям.

¹⁾ Они взяты для реставрации в Эрмитаж.

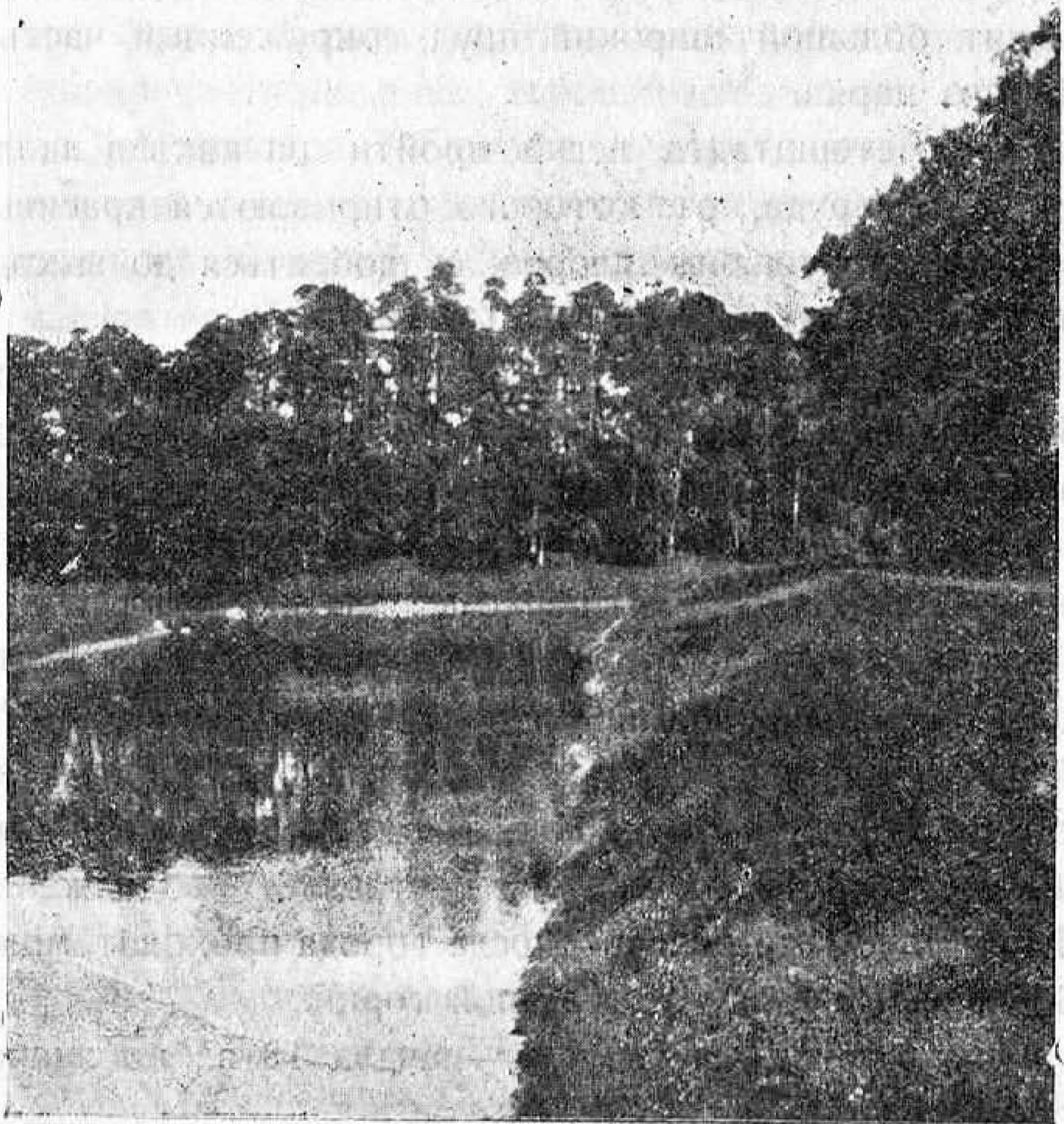
Еще лучше Восточный Кабинет или Кабинет Обезьян. В нем чудесный легкий плафон (роспись потолка) работы Бароцци, но еще лучше изумительная декорация стен в виде легких узоров, которые на концах превращаются в консоли, поддерживаемые обезьянками, что было излюбленным у лучших орнаментистов в 18 в., начиная с Ватто.

Тот, кто побывал в Петергофском Монплезире, знает, что еще в 1720 г. Пино создал Японский Кабинет, где применил легкие разводы с такими же консолями для постановки на них небольших фарфоровых статуэток или вазочек. Ринальди и Бароцци сделали узоры еще легче и свободнее и, по образцу великого французского орнаментиста Ватто, дополнили их обезьянками. В то время увлекались путешествиями в экзотические страны и всем тем, что путешественники привозили с юга или о чем, по крайней мере, рассказывали.

Катальная горка отличается от Китайского дворца тем, что в ней нет того стремления к роскошному уюту, к почти перенасыщенной роскошью атмосфере. И зало, и кабинет здесь просторны, а из окон их открывается красивый вид на залив и на Кронштадт.

Под Катальной горкой видны разрушенные оранжереи, часть которых в 19 в. была устроена в виде Зимнего сада с гротами, мостиками и каскадами, часть в виде зеленых аркад из вьющегося винограда.

От Катальной горки можно пойти на запад и обойти парк, который местами сильно запущен, а на юге переходит в Дикий парк или настоящий лес.

Можно также дойти до Большого дворца по аллее, расположенной на откосе, осмотреть южный фасад и под аркадами одного из низких флигелей добраться до прудов. Там нужно по дороге повернуть направо и по мосту, перекинутому через овраг, дойти до небольшого домика. Он стоит среди валов, как бы в небольшой крепостце, и называется Петерштадтом, но внутри вся живопись и убранство—19 века и потому мало интересны. Недалеко за Петерштадтом лежит большой широкий пруд, окруженный частью Дикого парка.

От Петерштадта легко пройти на вокзал вдоль Нижнего пруда, от которого открываются красивые виды на павильоны дворца, и добраться до выхода из парка и до вокзала.

Когда-то, в начале 19 века, Ораниенбаумский парк был очень красиво устроен, но в течение 19 века он очень сильно зарос. Однако, некоторая забота о красоте местности была приложена не только к парку, но и к местности за парком, где, к сожалению, в 19 в. были построены дачи. Все-таки прогулку вдоль дороги на Красную горку хотя бы до «Санзенюи»¹⁾, бывшего имения Грейгов, можно рекомендовать, так как дорога красиво проходит между откосами береговых холмов и морем. Она составляет продолжение Ленинградского шоссе и после города проходит мимо Большого дворца и Катальной горки.

Дом имения Санзенюи—начала 18 в., но значительно переделан.

¹⁾ По-французски значит—«Нескучное».

Прогулка в Дудергоф и Ропшу.

Раньше уже упомянуто, что из Лигова можно сделать хорошую прогулку в Дудергоф, Красное и Ропшу. О них скажем кратко, потому что прогулка в Ропшу доступна лишь хорошим ходокам.

Для осмотра Дудергофа нужно доехать до одноименной станции и, выйдя с нее, направиться по шоссе по направлению поезда. Шоссе постепенно подымается на гору и постепенно поворачивает между дач на север.

Дудергофские высоты интересны тем, что они имеют своеобразную флору и фауну и до известной степени сохранены как естественный парк. Там можно в зарослях сделать целый ряд прекрасных прогулок, но дорожки там вообще запущены. Кое-где бьют источники знаменитой Дудергофской воды, которая образует внизу два озера.

На вершине горы стоит швейцарский домик, построенный при Николае I, но неправильно называемый Петровским.

Из Дудергофа пешеходы могут вернуться в Красное село по перешейку между озерами и в расположенный там же Театральный парк. Но дорога эта очень пыльная.

В Красном Селе, кроме церкви 18 в., очень искаженной позднейшими доделками, и Дворцового сада, вернее парка, откуда открываются чудесные виды на Дудергоф и озера, осматривать нечего. Но можно, поднявшись по улице от вокзала, главной улице у дворцов, повернуть налево, и тогда направо виден проезд на шоссе, ведущее в Ропшу.

Шоссе тянется свыше 15 километров по открытой местности и доводит почти прямо до Ропши, которая расположена на скате холма. На вершине последнего находятся небольшие пруды с ключевой водой, служащие для разводки форелей.

Дворец, где был задушен Петр III, сломан еще в 1770-х годах. Новый дворец был построен частным лицом, но перестроен в конце 18 в. в типичном классическом стиле.

Его фасад, украшенный колоннадой на высоком балконе, широкий луг перед фасадом, извилистые пруды в парке, красивые рожи последнего являются характерною картиною благоустроенного поместья конца 18 в.

В комнатах дворца интересны хорошие росписи потолков в стиле Воронихина или Камерона. Там же собрана большая коллекция картин немецкой школы, среди которых—прекрасные произведения Г. Фридриха, и очень интересная картина знаменитого театрального декоратора Роллера, изображающая фантастический средневековый город.

После осмотра Ропши можно вернуться через Знаменку в Петергоф (около 15 километров).

С О Д Е Р Ж А Н И Е

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
Петергофская дорога	3—6
Прогулка по морю	6—7
От Екатерингофа до Нарвских ворот	7—11
От Нарвских ворот до Стрельны	11—15
Стрельна	16—29
Ораниенбаум:	30—48
Большой дворец.	
Китайский дворец.	
Катальная горка.	
Прогулка в Дудергоф и Ропшу	49—50

ИЗДАНИЯ

Ленинградского Губернского Совета Профессиональных Союзов

Редакционно - Издательский Отдел. Бульвар Профес. Союзов, д. № 21,
1-й этаж. Телефон № 6-25-62.

Журнал „*Архив истории труда в России*“: кн. 1-ая распродана;
кн. 2-ая, 3-ья, 4-ая и 5-ая по 60 коп.; кн. 6—7-ая—1 р.; кн.
8-ая, 9-ая и 10-ая по 1 р. 40 к.

Исторические сборники „*Труд в России*“: кн. 1-ая—2 р.; кн. 2-ая—
1 р. 50 к.

Историч. журнал „*Труд в России*“, 1925 г.—1 р. 80 к.

Малая энциклопедия профессионального движения и труда.
Ц. 3 р. 50 к.

Ж. Лекин.—Профессиональное движение. 3-ье изд.

Ю. Тессен и Э. Тершензон.—Хрестоматия по истории рабочего
класса и профес. движения. Том I (1 р. 75 к.) и II (2 р. 50 к.).

М. Майский.—Профес. движение на Западе. Основные типы.
Ц. 1 р. 60 к.

В. В. Святловский.—История профес. движения в России. 2-ое изд.
Ц. 2 р.

М. Гордон.—Наглядная таблица мирового профес. движения. 2-е
изд. Ц. 25 к.

А. Гастев.—Профес. союзы и организация труда. Ц. 45 к.

Ж. Гледов (Авилов).—Профес. союзы и Советское государство.
Ц. 50 к.

Его же.—Проф. союзы на путях оживления своей работы. 25 к.

П. Триффин и М. Могилевский.—Труд и рабочее время. Ц. 70 к.

Э. Тершензон.—Пролетарские кассы взаимопомощи. Ц. 50 к.

Сборник руководящих материалов по союзной работе. 25 к.

С. Левман и М. Лейзеров.—Формы и методы профес. пропа-
ганды. Ц. 65 к.

Макс Гордон.—Очерк экономич. борьбы рабочих в России (3-ье изд.).
Ц. 80 к.

Л. М. Клейнборг.—Русский рабочий-читатель. Ц. 1 р. 40 к.

П. Столпянский.—Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет
ее существования. Ц. 1 р. 50 к.

Л. М. Василевский.—Гигиена женского труда. Ц. 60 к.

Его же.—Пылевые профессии. Ц. 18 к.

Его же.—Гигиена труда металлиста. Ц. 30 к.

С. Карташов.—Хронометраж. Ц. 1 р.

Цена 45 н.

ИЗДАНИЯ

ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Редакционно-Издательский Отдел. Бульвар Профсоюзов, 21.
Тел. 625-62.

В. Я. Курбатов.—Прогулки по окрестностям Ленинграда.

- 1) Петергоф. 65 коп.
- 2) Детское Село. 70 коп.
- 3) Павловский дворец и парк. 90 к.
- 4) Гатчина. 75 к.
- 5) Стрельна и Ораниенбаум. 45 к.

СКЛАД и ПРОДАЖА ИЗДАНИЙ:

в книжных магазинах

Ленинградского Губ. Совета Профессиональных Союзов

- 1) Просп. Володарского, д. № 51, телеф. 5-98-55.
- 2) Площадь Труда, д. № 1-39 " 6-19-18.
- 3) Международный пр., 124.

Магазин спортивных принадлежностей:

Просп. 25 Октября, д. 23, тел. 232-03.